

К ЧЕШСКОМУ ВОСПРИЯТИЮ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Олдржих Рихтерек (Градец-Кралове)

Abstract:

The paper discusses the topics of Czech translations and reception of Russian poetry in two recent centuries. Besides the attention to the distinctive features of Russian poetry in relation to its Czech translations and its contribution to world culture, it also draws attention to the irreplaceable contribution of Russian poetry to the contemporary dialogue of cultures in the cultural and social area of Middle Europe, i.e. in the context of contemporary not only philological, but also multicultural area studies, which are supported by the initiative of the researchers at the Faculty of Arts, Masaryk University in Brno.

Key words: Russian poetry, Czech translations, dialogue of cultures, area studies

I Русская поэзия занимает в чешской культуре в контексте переводов и восприятия иностранных литератур традиционно важное место, хотя она не превосходит популярность русской прозы и драмы.¹ В связи с проникновением в чешскую культуру русской классики XIX-ого в. следует напомнить и об интересе поколения т. наз. «чешского национального возрождения» к русским историческим мудростям и фольклору².

Поэзия романтизма XIX в. была в Чехии представлена только некоторыми произведениями Пушкина, Лермонтова и Жуковского, причем последний лишь переводом драмы немецкого романтика Фридриха Шиллера «*Die Jungfrau von Orléans*»³. Творчество основоположника новой русской поэзии А. С. Пушкина было прежде всего представлено переводом знаменитой романтической поэмы «*Бахчисарайский фонтан*»⁴, потом переводом избранных поэм писателя⁵. Конечно, относительно рано появился и перевод шедевра русской классической литературы, не теряющий своего

¹ Конечно, свою роль играет и современный нарастающий всеобщий тренд определенного отклонения от поэзии, особенно в чешской традиции, которая – в сравнении, наприм., с русской – предпочитает аналитическое восприятие стихов с акцентом на «подсознательную коммуникацию» с семантикой стихов и эмоциональным настроением реципиента – в отличие от русской традиции с более экспрессивной декламацией стихов вслух.

² Я имею в виду, между прочим, общественный интерес таких представителей чешской культуры как Ф. Л. Челаковский, В. Ганка, Й. Юнгманн, К. Я. Эрбен и др. В качестве примера могу привести популярное произведение Челаковского «*Ohlas písní ruských*», опирающееся на переводы древнерусских былин, восходящих к подвигам быгатырей эпохи татаро-монгольского ига. Переводы былин появлялись после первого издания в 1829 г. многократно в течение почти двух столетий: Ср.: Čelakovský, František Ladislav. (1829) *Ohlas písní ruských* Praha: Изд. I. L. Kober.

³ Ср.: Žukovskij, V. A. (1882) *Panna Orleanská – zpěvohra ve čtyřech dějstvích*. (Dle Schillera od Žukovského, hudba od P. Čajkovského.) Praha: Fr. A. Urbánek.

⁴ Ср.: Puškin, A. S. (1854) *Bachčiserajský Fontán*. (Přel. a některé skizzy z lit. ruské podává Václav Č. Bendl. Praha: nakl. B. Rohlíček.

⁵ Puškin, A. S. (1859) *Alexandra Puškina Básně rozpravné*. (Přel. V. Č. Bendl.) Pisek: V. Vetterl.

значения до наших дней – т.е. романа в стихах «*Евгений Онегин*»⁶ – переводческий вариант которого позже стало создавать почти каждое новое поколение чешских читателей (некоторое время спустя после издания первого перевода упомянутый факт утвердился и переводом следующим⁷, хотя почти одновременно были изданы еще и чешские переводы поэмы «*Руслан и Людмила*», служившие в качестве либретто при пражской постановке одноименной оперы композитора М. И. Глинки.⁸)

Поэзия Лермонтова издавалась во второй половине XIX в. многократно (преимущественно в переводах А. Дурдика или Фр. А. Таборского⁹) и, кроме того, тоже в связи с театральными постановками, вдохновляемыми художественным завещанием поэта¹⁰. Кроме того, в коллекциях Национальной библиотеки в Праге с XIX в. хранятся сборник избранных стихотворений Н. А. Некрасова¹¹ и сборник избранных стихотворений представителей поэзии русской классики¹². Приведенный перечень переводов убеждает в том, что чешский интерес к русской поэзии действительно не достигал уровня интереса к прозе.

2 Определенный рубеж в постижении чешским читателем русской поэзии представляет собой интерес к русской поэзии периода неоромантизма, связываемого традиционно и со своеобразным литературно-культурным феноменом т. наз. «серебряного века» конца XIX и особенно в начала XX вв. Чешская культура заметила относительно рано неповторимый и высоко художественный креативный подход, отличающий всех представителей этого яркого феномена русского искусства (независимо как художников слова, так и живописцев, и композиторов), тонкое переплетение связей всех видов искусства. В отличие от подхода к наследию классики чешский подход к поэзии эпохи серебряного века в течение XX в. несколько раз ме-

⁶ Puškin, A. S. (1860) *Evgen Oněgin, román ve verších*. (Přel. V. Č. Bendl.) Písek: V. Vetterl.

⁷ Puškin, A. S. (1892) *Evžén Oněgin (veršovaný román od Alexandra Puškina)*. Praha: nakl. J. Otto.

⁸ Ср.: Puškin, A. S. (1867) *Ruslan a Ludmila (velká kouzelná opera v pěti dějích)*. Hudba Michala Ivanoviče Glínky, slova dle básně A. Puškina z rus. orig. přel. Josef Kolář. Praha: nakl. ředitelství král. zemsk. čes. divadla.

⁹ Напр. под названием «*Básně Michala Lermontova*» и в переводе А. Дурдика появились в 1872 и 1874 гг. Первый и второй том избранных стихотворений поэта был переиздан Й. Отто в переводе Фр. Таборского лет двадцать спустя.

¹⁰ Наприм. в связи с постановкой фантастической оперы А. Г. Рубинштейна «*Демон*» либретто (написанное на мотивы одноименной оперы Лермонтова П. Висковатовым) на чешский язык в 1885 г. перевел А. Мужик (Praha: Nakl. družstvo Národního divadla); позже, конечно, появляется и чешский перевод известной драмы писателя «*Маскарад*» (в 1929 г. в переводе Фр. Таборского и во второй половине XX в. повторно в переводах Эм. Фрынты и Зд. Бергровой, раскрывших в лермонтовском тексте зловонный вневременный подтекст.

¹¹ Ср.: Nekrasov, N. A. (1876) *Básně Nikolaje Někrasova*. (Přel. Hynek J. Mejsnar) Praha: Ed. Grégr.

¹² Ср.: (1885) *Niva – sbírka básní Feta, Kolcova, Meje, Minajeva, Někrasova, Nikítina, A. Puškina, Ševčenky a A. Tolstoje*. (Illustr. N. Karazin, přel. Fr. Chalupa) Praha: Tisk a nakl. Frant. Šimáček.

нялся, разумеется, в зависимости от политических доктрин, определяющих сперва русскую и потом и чешскую культурную политику, в которой менялась презентация и художественная интерпретация упоминаемого серебряного века.¹³ Однако, несмотря на заметное влияние этих внекультурных политических факторов, мы можем сегодня сказать, что в чешской культуре имеется не только ряд качественных переводов произведений таких авторов как Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, Л. Андреев, В. Маяковский, С. Есенин, А. Ахматова, М. Цветаева, но даже есть переводы и до конца 80 гг. утаиваемого поэта Н. Гумилева и некоторых философов и ученых, как например, Н. Бердяев, П. А. Флоренский, Н. О. Лосский и др. Конечно, иллюстративный перечень авторов подсказывает, что речь идет не только о поэзии, но и о прозе, литературоведении и философии, вступивших в сознание чешской культуры иногда еще в начале прошлого века или в межвоенный период¹⁴ и «раскрываемых» для чешской культуры нередко снова лишь после 1989 г.¹⁵

3 Из предыдущего вытекает, что чешский подход и чешское восприятие русской поэзии (именно во второй половине минувшего века) прошли через относительно сложные оценочно-интерпретационные этапы. Нередко издавались переводы классической литературы (разумеется, особенно произведения Пушкина, Лермонтова или Некрасова¹⁶) – как правило с акцентом на потенциальные революционные или социальные аспекты их творчества¹⁷. Разумеется, наибольший акцент был сделан на официальную «социалистическую» поэзию. Я имею в виду, например, такого поэта как, В. Мая-

¹³ Проблематике чешского восприятия русской поэзии эпохи «серебряного века» я посвятил самостоятельную работу: Рихтерек, О. *К вопросу о чешском восприятии русской литературы «серебряного века»*. (В печати)

¹⁴ В связи с тем необходимо напомнить и о влиянии пражской русской эмиграции, оставившей заметный след в чешской культуре 20–30 гг. прошлого века.

¹⁵ Ср., наприм., издание: Berdjajev, N. A. (1992) *Duše Ruska*. (Přel. Ivo Pospíšil) Brno: Petrov, или попозже: Berdjajev, N. A. (1995) *Smysl dějin: pokus o filosofii člověka a jeho osudu*. (Přel. J. Kranát a I. Mesnjankina) Praha: ISE. Или Losskij, Nikolaj Onufrijevič. (2004) *Dějiny ruské filosofie*. (Přel. A. Černohous) Velehrad: Refugium – Velehrad-Roma и др.

¹⁶ Напомним, хотя бы: Někrasov, N. A. (1969) *Básně*. (Vybr., přel., doslov a pozn. naps. Z. Bergrová, předml. *Básník služby* naps. J. Honzík). Praha: Odeon.

¹⁷ В связи с этим, наприм., романтик А. С. Пушкин представлялся почти как «революционер», однако о позднем романтике Фете, оказавшем немалое влияние на русскую поэзию перелома столетий и поэзию XX в., официальные комментарии высказывались сдержанно, несмотря на то, что (благодаря таким знатокам русской литературы, как, наприм., Ё Гонзик) удавалось все-таки его стихи издавать в новых переводах. Ср.: Fet, A. A. (1964) *Večery a noci*. (Přel. I. Slavík, předml. *Lyrický odkaz A. A. Feta* – J. Honzík) Praha: SNKLU. Или: Fet, A. A. (1974) *Roční doby života*. (Přel. J. Kabíček) Praha: Lidové nakladatelství.

ковский, представляемого лишь в роли «трибуна революции»¹⁸, причем его интимная поэзия, более или менее, программно вытеснялась из поля зрения чешских реципиентов и напоминала, таким образом, подобную судьбу таких поэтов, как Н. Гумилёв, О. Мандельштам, Й. Бродский (вместе с ним вообще другие поэты-эмигранты¹⁹), или частично А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак и др.²⁰

Дело в том, что их художественное завещание чешскому реципиенту нередко представлялось только в намеренно упрощенном виде, хотя они представляли собой элиту русской поэзии. Например, известная поэма С. Есенина «*Анна Снегина*» одноцветно трактовалась лишь как «песня о русской революции», причем некоторые ее вневременные и семантически амбивалентные аспекты интерпретировались как «слабость» автора, и по тем же причинам почти полностью исключалась из творческого наследия его поэма «*Черный человек*», лишенная, одновременно, своих семантических пластов поиска и душевной боли, связанными с судьбой Есенина и самой России.²¹ Несколько раз чешским русистам и переводчикам удалось обойти цензуру и показать более широкий и объективный контекст русской поэзии XX в.²² Подобным способом издавались и переводы т. наз. «поэтов-бардов» (т. е. исполнителей авторской песни) В. Высоцкого и Б. Окуджавы, пользующихся, между прочим, высокой популярностью среди чешских реципиентов, хотя со стороны официальных политических русских (конечно и чешских) кругов заметна была определенная сдержанность.²³

¹⁸ Наприм., перевод его революционной поэмы *150,000.000*, автором которого еще в 1924 г. был Б. Матхесиус, был после 1945 г. издан еще черыре раза.

¹⁹ В связи с этим, наприм., благодаря только творческой инициативе Г. Врбовой, чешские читатели лишь в 1995 г. узнали прекрасные стихи поэта-эмигранта Вячеслава Лебедева, прожившего немалую часть жизни в эмиграции в Праге (1922–1969). Ср.: Lebedev, V. M. (1995) *Koncerty bez publika. (Vybr. a přel. H. Vrbová)* Praha: Melantrich. В конце концов, подобная судьба касалась, наприм., и выдающихся эмигрантов – писателей и критиков – С. Махонина и О. Суса, исключенных из чешской культуры после 1969 г.

²⁰ Упомянутой проблематике я посвятил уже раньше одну свою работу. Ср.: Richterek, O. (2007) «*Ztráty a nálezy*» v českých překladech ruské poezie 20. století. In: *Ruská poezie 20. století, recepční, genealogické a strukturálně analytické pohledy*. Sborník studií. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., s. 11–22.

²¹ К подобным выводам мы могли бы прийти и при упрощенной интерпретации известной поэмы А. Блока «*Двенадцать*» или вообще всего творчества и судьбы поэтессы М. Цветаевой, связанной, сверх того, и с судьбой пражской русской эмиграции.

²² К лучшим примерам этих стремлений необходимо, наприм., отнести антологию «*Kolo inspirace*», представляющую удачный перевод русской поэзии эпохи «серебряного века», ср.: (1967) *Kolo inspirace*. Praha: Svět sovětů – в книгу даже удалось включить шесть стихотворений запрещенного поэта Н. Гумилева (издаваемого у нас еще в межвоенный период) – и блестящий том избранных стихотворений русского символизма (ср.: Honzík, Jiří (editor). (1980) *Zlato v azuru. Lyrika ruského symbolismu*. Praha: Odeon).

²³ Я имею в виду наприм.: Vysockij, V. (1984) *Zaklínač hadů*. (Přel. J. Moravcová) Praha: LN. Vysockij, V. (1988) *Sborník z básnickových věřšů a úvah o jeho tvorbě*. (Uspoř. a přel. J. Moravcová) Praha: LN. Или

В связи с этим необходимо напомнить о том, что стихи «официально предпочитаемых» поэтов, основанные на традициях упрощенной агитации, не встречались с адекватной эмпатией чешских реципиентов, тем более, если они, благодаря тесной связи с отличающейся русской действительностью, отличались от привычного чешского мировосприятия, а также не несли в себе божественной поэтической искры.²⁴ Исключением мы можем считать (для русских читателей и критиков удивительный) чешский высокий интерес к интимной поэзии Ст. Щипачёва в 50 г. прошлого века, вызванный, однако, отсутствием данного жанра на тогдашнем чешском книжном рынке.²⁵

4 Несмотря на это, в течение 50–80 гг. на чешский язык были переведены сими большей части известных русских поэтов (включая не только представителей классики и официальных представителей литературы советской эпохи, (в том числе, например, и группы популярной «эстрадной поэзии» 60–70 гг.), но и даже некоторых (из-за политической оценки время от времени упоминаемых) поэтов.²⁶ Позже, т. е. в течение последнего двадцатилетия, были, объективно говоря, многие «пробелы» в чешских переводах русской поэзии успешно заполнены. Появилось даже несколько представительных, стилистически и семантически высокохудожественных переводных изданий, демонстрирующих солидный уровень чешского художественного перевода.²⁷

еще: Vysockij, V. (1997) *Pravda a lež – písňové texty*. (Přel. a předml. naps. M. Dvořák). Praha: Votobia. Или: Okudžava, B. (1976, 1981) *Půlnoční trolejbus*. (Překl., pozn. a dosl. P. Kovařík) Praha: ČS. Okudžava, B. (1980) *Kapela naděje*. (Přel. V. Daněk – poezie a L. Dušková – próza). Praha: Odeon. И др.

²⁴ Доказательством может быть, наприим., не только малый чешский интерес к публицистически настроенной поэзии Д. Бедного, но и поразительно холодное чешское отношение к переводу известной поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин», столкнувшейся с чешской традицией «бравого солдата Швейка» – популярного в России Я. Гашека.

²⁵ Щипачёв, на самом деле, выполнял пробел на чешском книжном рынке (официально интимная поэзия не соответствовала атмосфере «стройки социализма»), значит, сборник *Sloky lásky* «советского поэта», мог стать «исключением» и издаться даже двенадцать раз.

²⁶ Нарим., удалось издать стихотворения и таких поэтов, как И. Бунин. (Bunin, I. A. (1968) *Hořký dým paměti*. Přel. I. Slavík. Praha: Mladá fronta.) или несколько сборников поэзии Б. Пастернака, хотя перевод его «*Стихов Доктора Живаго*» из популярного одноименного романа мог до 1989 г. появиться лишь в эмигрантском издательстве в США (ср. Pasternak, Boris Leonidovič. (1959) *Básně doktora Živaga*. Přel. J. Kovtun. New York: Svědectví.).

²⁷ В качестве примера возьмем хотя бы уже «седьмой» перевод пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» (Puškin, A. S. (1999) *Evžen Oněgin*. (Přel. M. Dvořák) Praha: nakl. ROMEO), или представительную антологию поэзии А. Ахматовой (Achmatovová, A. (1990) *Vestálka paměti*. (Přel. H. Vrbová) Praha: Lidové nakladatelství), или высококачественный образ творчества М. Цветаевой (Cvetajevová, M. (1996) *Lichý střevíc*. (Přel. Hana Vrbová, doslov Z. Mathauser) Praha: Melantrich, или отличный сборник избранной поэзии Й. Бродского (Brodskij, I. A. (1997) *Konec krásné epochy – výbor z poezie*. (Přel. V. Daněk) Praha: Mladá fronta) и целый ряд др.

4.1 В соответствии с относительно богатым (де факто адекватным) числом переводов русской поэзии возникает естественный вопрос о характере чешского восприятия русской поэзии и некоторых отличительных семантических и стилистических ее свойствах, способных обогащать традиционный подход к жанру поэзии со стороны реципиентов принимающей чешской культуры.

С одной стороны, нередко перевод русских стихов, несмотря на естественное родство русского (т. е. славянского) языка, представляет собой для чешских переводчиков «стилистический барьер». Дело в том, что в чешской переводческой и читательской традиции можно заметить определенное недоверие не только к упрощенному переводу стихов прозой (значит, стихи – более или менее – преимущественно переводят стихами), но и к массовому восприятию поэзии (чешский реципиент предпочитает чаще индивидуальный подход к ней).

Кроме того, некоторые отличительные свойства русского стихосложения как, например, более выразительный тонический характер стихов (отражающийся, между прочим, в более прочной позиции таких размеров, как ямб, анапест, амфибрахий, или вообще в отличающемся характере ударных и – в естественном и уместном применении редукции безударных слогов), широкое употребление фонетической рифмы, не находящее аналогичных возможностей в чешском языке, отличающиеся характер и интенсивность естественной русской экспрессивности, лиричности (мне хотелось бы даже сказать «масштабности» чувств) – это лишь некоторые проблемы, с которыми чешскому переводчику, как правило, необходимо справиться в процессе интерпретации и «перестилизации» (т. е. переработки) сжатого русского поэтического выражения, нередко опирающегося на амбивалентную символику и многозначимость своеобразных фактов и неповторимой семантики деталей русской истории и будничного быта.

С другой стороны, переводы русской поэзии вносят в чешскую культуру некоторые новые способы и формы переживаний, а именно интенсивность их эмоциональной, психологической и философской глубины – с вневременным восприятием хронотопной «масштабности», размеров русской действительности, вызывающей (особенно при сравнении с чешским «притоптанным» индивидуализмом и априорным лицемерием в «камерно» ограниченном пространстве «чешского котлована») более настоятельную потребность глубокого чувства и общения с близким человеком. Русская поэзия способствует, таким образом, более сознательному и более глубокому контакту чешской культуры с решающими эволюционными сдвигами культуры мировой, с ее более глубоким интересом к человеческой психике, к основным и существенным вопросам связи человека с окружающей его

природой, с его глубинным внутренним переживанием основных категорий человеческого существования в «пространстве и времени».

4.2 Своеобразный русский вид поэтического оформления закономерной связи человека с окружающими его природой и пространством, находивший, между прочим, форму своего выражения нередко в пленительной многозначности и удивительно-креативной неожиданности фраз, семантической коннотативности метафорического воплощения наших внутренних переживаний и осознания фундаментальных ценностей нашего существования, необходимо, на мой взгляд, отнести к релевантным позитивным вкладам переводов русской поэзии в чешскую принимающую культуру. Русская поэзия в чешских переводах, на мой взгляд, способствует, таким образом, углублению связей чешской культурной среды с многообразной поэзией и культурой не только восточно- и центральноевропейского, но и вообще европейского ареала.

Значит и сегодня, на пороге XXI в., традиционный жанр поэзии может заметным способом влиять на позитивный межкультурный диалог и злободневную ориентировку вузовских, а также других научных программ, направляемых на инициативы в области проблематики т. наз. «ареальных исследований». Общеизвестно, что главную роль в Чехии в области ареальных исследований сегодня играет славистика философского факультета Университета им. Масарика в городе Брно, благодаря именно инициативам проф. д-р. **Иво Поспишила**, доктора наук, отмечающего в этом году знаменательный юбилей (*1952). Дело в том, что настоящий межкультурный диалог, опирающийся на литературные произведения, осуществим, на самом деле, лишь при условиях адекватного понимания всех взаимосвязей, при которых возникали иноязычные, инокультурные тексты, и всех взаимосвязей, сопровождающих восприятие последних не только автором, но и настоящими читателями²⁸ (значит и иностранными читателями, встречающимися с данным текстом в переводе).

Подобные вдохновительные атрибуты сопровождают весь громадный труд упомянутого юбиляра. Диапазон его научных интересов замечательно широк и охватывает, кроме доминантных вопросов русской прозы (особенно романа и романа-хроники), широкий круг теоретических и конкретно-практических вопросов о жанре и генеалогии, проблемах литературоведения, методологии, взаимоотношениях европейских литератур и др.²⁹

²⁸ К этому ср.: Petříček, M. *Naléhavé zprávy o jiných světech*. In. Lidové noviny 2. 7. 2005, příloha *Orientace – Studovna*, III.

²⁹ В качестве примера приведем: Pospíšil, I. (1988) *Ruská literárněvědná metodologie 19. a počátku 20. století (studie – texty)*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství. Pospíšil, I. (1998) *Ruský román – nástin utváření žánru do konce 19. století*. Brno: Masarykova univerzita. Pospíšil, I (ed.). (2010) *Areálová slavistika a dnešní svět – monografie z filologicko-areálových studií* Brno: Tribun EU. И ряд др., причем сле-

Именно с этой широкой и «многозначительной и многоучитывающей» точки зрения ему удастся рассматривать русскую литературу (в том числе, разумеется и русскую поэзию) в более широких – не только в национальных, международных и межкультурных – но и в семантико-идейных и художественно-креативных контекстах. В связи с характером настоящей небольшой статьи напрашивается оценка Поспишила, посвященная (разумеется, с учетом нашего современного диахронного подхода) взаимосвязи художественной креативности и жизненного созревания родоначальника новой русской поэзии А. С. Пушкина, позволяющая назвать данного русского писателя символическим «мостом, протянутым через простор и время».³⁰ Мне думается, что именно в контексте подобных вневременных находений оправдаются и наши предпосылки (одновременно и находения) о полезности, значении и ценностях художественного вклада переводов русской поэзии в чешскую культуру.

дует напомнить и о замечательном списке научных статей в разных журналах, сборниках и др. В связи с темой настоящей статьи напомним: Pospíšil, I. *K tradiciji brněnského стиховедения и специфике русской поэзии*. Новая русистика 2009, № 2, s. 55–65 и др.

³⁰ Ср.: Pospíšil, I (edit.) (2000) *Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Brno: MU, с. 13–14. В связи с этим следует напомнить о том, что коллега Поспишил был также инициатором коллективной работы, посвященной этому русскому писателю: Ср.: Pospíšil, I (edit.) (2000) *Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Brno: MU.